

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-131-141>

УДК 316.346-058.862:314.7

© Осадчая Г.И., Волкова О.А., Юдина Т.Н., 2024

Г.И. Осадчая, О.А. Волкова✉, Т.Н. Юдина

Социальное сиротство и депривированное родительство в семье мигранта как угроза демографической безопасности: есть ли свет в конце тоннеля?

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
г. Москва, Российская Федерация
✉volkovaao@rambler.ru*

Аннотация. Актуальность темы, поднимаемой в данной статье, состоит в распространении явлений социального сиротства и депривированного родительства вследствие трудовой миграции членов семьи.

Проблема исследования заключается в расширении масштабов трудовой миграции, распространении социального сиротства, развитии депривированного родительства, с одной стороны, и отсутствием концептуального обоснования взаимосвязей между данными явлениями, с другой стороны.

Целью исследования является рассмотрение социального сиротства и депривированного родительства в семье мигранта как угрозы демографической безопасности.

Методы исследования. В работе использованы данные: 1) анкетного опроса возвратных трудовых мигрантов-кыргызов, которые работали в России, а затем вернулись в Кыргызстан; 2) полуструктурированного интервью трудовых мигрантов в России; 3) количественно-качественного контент-анализа случаев, изложенных в эссе детей мигрантов.

Результаты. Так, социальное сиротство и депривированное родительство в семьях мигрантов вследствие больших масштабов, в которых осуществляются данные явления, рассматриваются в качестве угрозы демографической безопасности на нескольких уровнях: родителя или ребенка, семьи в целом, а также стран исхода и приема. Определено, что когда дети мигрантов остаются с пожилыми прародителями, то возникает сложная ситуация, так как бабушки и дедушки иногда испытывают сложности с самообслуживанием, а с внуками им справляться вдвое сложнее. У детей начинаются пропуски занятий в школе, снижается учебная успеваемость, не формируется культура общения, появляются проблемы с законопослушностью. В случаях, когда дети мигрантов остаются жить с людьми, которые не являются для них родственниками, уровень безопасности несовершеннолетних значительно снижается, сопровождаясь побоями и убийствами. Анализ мнений мигрантов, их детей и экспертов показывает, что социальное сиротство и депривированное родительство являются угрозой демографической безопасности.

Ключевые выводы. Социальное сиротство взаимосвязано с явлением депривированного родительства, поскольку трудовые мигранты ощущают свою ответственность как перед собст-

венными сыновьями и дочерьми, так и перед своими пожилыми родителями. Ключевой социальной негатив ситуации состоит в закономерном и повторяющемся воспроизводстве социального сиротства и депривированного родительства в семьях мигрантов.

Ключевые слова: социальное сиротство, депривированное родительство, семья мигранта, демографическая безопасность

Для цитирования: Осадчая Г.И., Волкова О.А., Юдина Т.Н. Социальное сиротство и депривированное родительство в семье мигранта как угроза демографической безопасности: есть ли свет в конце тоннеля? *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(3):131–141. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-131-141>

G.I. Osadchaya, O.A. Volkova✉, T.N. Yudina

Social orphanhood and deprived parenthood in a migrant family as a threat to demographic security: is there light at the end of the tunnel?

Institute of Demographic Research, FSRSC RAS, Moscow, the Russian Federation
✉volkovaoa@rambler.ru

Abstract. The relevance of the research is the spread of the phenomena of social orphanhood and deprived parenthood due to the labor migration of family members.

The problem of the research is the expansion of labor migration, the spread of social orphanhood, the development of deprived parenthood, on the one hand, and the lack of conceptual justification for the relationships between these phenomena, on the other.

The goal of the research is to consider social orphanhood and deprived parenthood in a migrant family as a threat to demographic security.

The research methods. The work used data from: 1) a questionnaire survey of returned Kyrgyz labor migrants who worked in Russia and then returned to Kyrgyzstan; 2) semi-structured interviews of labor migrants in Russia; 3) quantitative and qualitative content analysis of cases presented in the essays of migrant children.

The Results. Thus, social orphanhood and deprived parenthood in migrant families, due its large scale, are considered as a threat to demographic security at several levels: a parent or a child, family as a whole, as well as countries of origin and reception. It has been determined that when children of migrants stay with elderly grandparents, a difficult situation arises, since grandparents sometimes have difficulty with self-care, and it is twice as difficult for them to cope with grandchildren. Children begin to miss classes at school, academic performance decreases, a culture of communication is not formed, and problems with the law appear. In cases where children of migrants remain to live with people who are not relatives to them, the level of safety of minors is significantly reduced, accompanied by beatings and murders. An analysis of the opinions of migrants, their children and experts shows that social orphanhood and deprived parenthood are a threat to demographic security.

The Key Findings. Social orphanhood is interconnected with the phenomenon of deprived parenthood, since labor migrants feel responsible both for their own sons and daughters and for their elderly parents. The key social negative of the situation is natural and repeated reproduction of social orphanhood and deprived parenthood in migrant families.

Key words: social orphanhood, deprived parenthood, immigrant family, demographic security

For citation: Osadchaya G.I., Volkova O.A., Yudina T.N. Social orphanhood and deprived parenthood in a migrant family as a threat to demographic security: is there light at the end of the tunnel? *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(3):131–141. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-3-131-141>

Введение. Актуальность темы, поднимаемой в данной статье, состоит в распространении явлений социального сиротства и депривированного родительства вследствие трудовой миграции членов семьи. Расширение масштабов трудовой миграции людей трудоспособного возраста, социального сиротства и депривированного родительства представляет угрозу для детей и их родителей, для всей семьи, а также и для демографической безопасности стран исхода и приема.

Злободневность темы обозначена в документах ООН, где сирота рассматривается как ребенок, который «теряет одного или обоих родителей до достижения 18-летнего возраста» [10]. В научной литературе, как и в документах ООН, кроме биологических сирот выделяются социальные сироты. Это такие дети, у которых только один родитель (мать или отец) или даже оба живы, однако несовершеннолетние живут, не получая соответствующей заботы. Эти дети «формально имеют родителей, но в силу социальных, экономических, морально-психологических и физических причин фактически лишены родительской опеки» [5, с. 64]. По оценкам ООН, в последние годы около 6,5% детского населения планеты являются сиротами (либо биологическими, либо социальными) [10]. Одной из причин усугубления данной негативной ситуации является трудовая миграция родителей, которые сами находятся в позиции родительско-детского отчуждения, социальной депривации [4].

Социальная депривация представляет собой «скудность и количество социальных связей, характеризующих личность, а также их низкое качество» [8]. Трудовые мигранты, имеющие несовершеннолетних детей, с социальной, в особенности с родительской точки зрения, оказываются

исключенными от сети повседневных очных родительско-детских отношений и взаимодействий. Социальная депривация родителей проявляется в ограниченности контактов с семьей [11], недостатке проявления заботы по отношению к детям, в ограничении дочерей и сыновей к образовательным и медико-социальным и др.

Такие явления, как социальное сиротство и родительская депривация характерны для разных стран мира. К примеру, в Кыргызстане в 2022 г. было проведено тематическое исследование. В его результате было обнаружено, что в стране в целом проживает 88 034 детей трудовых мигрантов, которые уехали на заработки в другие регионы Кыргызстана или в рубежные страны. Соответственно, доля детей, родителями которых являются внутренние трудовые мигранты Кыргызстана, представляет собой 14 448 (16,5%), а внешних мигрантов-кыргызов – 73 546 (83,5%). Более того, получены уточненные данные о проживании несовершеннолетних. Так, 5400 мальчиков и девочек были оставлены и проживали у чужих людей, которые не являлись им родственниками по какой-либо линии.

Из числа выявленных детей родителей-мигрантов переданы под предварительную опеку 863 ребенка, под опеку/попечительство по решению суда – 256, переданы в приемные семьи – 28, направлены в интернатные учреждения 24 ребенка. С семьями выявленных детей родителей-мигрантов проводится разъяснительная работа о необходимости оформления опеки над детьми [2].

Так, социальное сиротство и депривированное родительство в семьях мигрантов вследствие их больших масштабов рассматриваются в качестве угрозы демографической безопасности на уровне

родителя или ребенка, семьи в целом, а также стран исхода и приема.

Методы. В статье использованы данные научно-практических проектов, реализованных авторами статьи в течение 2022–2024 гг. Исследование проведено на примере трудовых мигрантов-кыргызов.

Во-первых, в статье привлечены данные анкетного опроса возвратных трудовых мигрантов-кыргызов, которые работали в России, а затем вернулись в Кыргызстан. Опрос проведен в Кыргызстане в 2022–2023 гг.; применялась выборка снежного кома; опрошено 515 человек.

Во-вторых, использованы материалы полуструктурированного интервью

трудовых мигрантов, которые работали в России. Опрос проведен в Москве и Московской области в 2022–2023 гг.; реализовывалась выборка снежного кома; опрошено 107 трудовых мигрантов.

В-третьих, проводился количественно-качественный контент-анализ случаев, изложенных в эссе, собранных научным коллективом в 2024 г. при проведении конкурсных работ по теме семейной миграции.

Результаты. Трудовые мигранты высоко ценят семью и в основном имеют позитивные взаимоотношения в ней, что видно из результатов проведенного опроса (рис. 1).

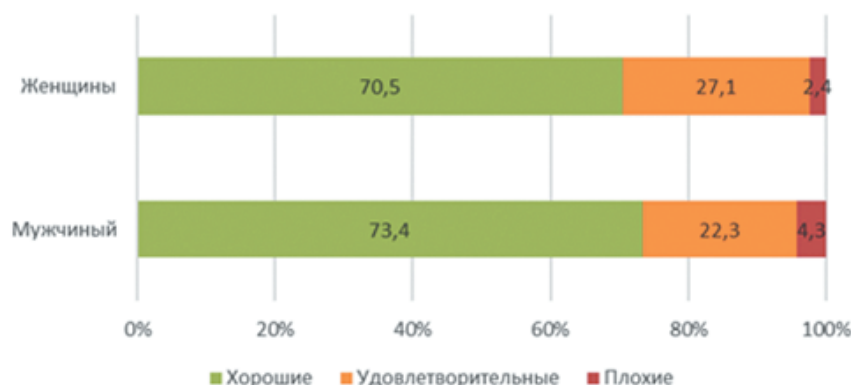

Рис. 1. Самооценка возвратными мигрантами-кыргызами взаимоотношений в семье (распределение по полу), % опрошенных

Итак, среди возвратных мигрантов мужчины-кыргызы оценивают свои взаимоотношения в собственной семье в Кыргызстане как хорошие немного чаще (73,4%), чем женщины-кыргызки (70,5%). При этом у представительниц женского пола больше удовлетворительных ответов, чем у мужского. Наблюдается разница в самооценке возвратными мигрантами-кыргызами взаимоотношений в семье и в зависимости от возраста (рис. 2).

В возрастах 46–65 и 26–45 лет респонденты чаще оценивают семейные взаимоотношения как позитивные (соответственно 85,2% и 73,3%). Однако при этом плохие семейные взаимоотношения наиболее

часто отмечаются у возвратных мигрантов и мигранток в возрасте 66–75 лет. Как показывают результаты корреляционного анализа, помимо пола и возраста, взгляд респондентов на семейную ситуацию зависит от уровня образования (рис. 3).

На диаграмме отражено, что наличие ученой степени оказывает позитивное воздействие на качество взаимоотношений в семье мигранта (87,5%). Выявлено, что имеется определенная корреляция: чем выше уровень образования, тем положительнее оценивается удовлетворенность семейными взаимоотношениями.

Сама ситуация миграции, судя по анализу материалов интервью и эссе,

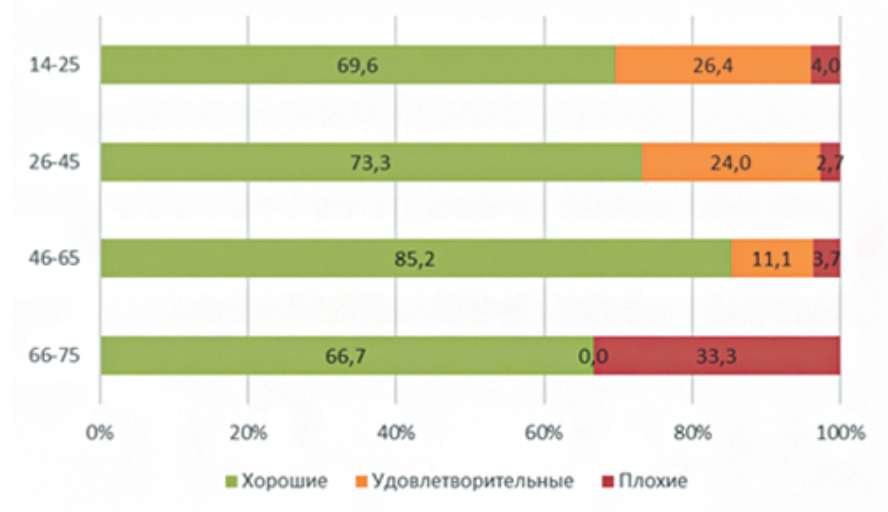

Рис. 2. Самооценка возвратными мигрантами-кыргызами взаимоотношений в семье (распределение по возрасту), % опрошенных

Рис. 3. Самооценка возвратными мигрантами-кыргызами взаимоотношений в семье (распределение по уровню образования), % опрошенных

отражает наличие характеристик социального сиротства и депривированного родительства в семьях мигранта, рассматривается как угроза демографической безопасности. Трудовые мигранты – участники интервью, проведенного в Москве и области, – говорят о том, что дети остались и живут на родине.

[Все члены семьи остались там: жена, двое моих детей, внуки. Я один здесь работаю. Три месяца работаю и месяц

нахожусь дома. Работаем вахтенным методом] (муж., 32 года).

[Приехал один. Семья осталась в Кыргызстане] (муж., 20 лет).

[В Россию приехал один. На родине осталась семья: жена и дети] (муж., 39 лет).

[Переехал один, остались на родине мама, брат, супруга и ребенок] (муж., 46 лет).

[С женой. На родине осталось двое

несовершеннолетних детей, семилетняя дочь и пятилетний сын. Дети живут с моими родителями] (муж., 36 лет).

Возникает сложная ситуация, так как пожилые дедушки и бабушки иногда испытывают сложности с самообслуживанием, а с внуками им справляться еще сложнее [9]. Возникают пропуски занятий в школе, снижение успеваемости, появляются проблемы с законопослушностью.

Но иногда дети мигрантов остаются жить с людьми, которые не являются для них родственниками. Уровень безопасности мигрантских детей, которые остаются жить с чужими людьми, снижается [1]. Эксперты характеризуют данные случаи крайне негативно. «Убийства с особой жестокостью происходили именно в тех семьях, где матери оставили своих малолетних детей у родственников, а сами находились в трудовой миграции. И, когда мы начали выяснять, оказалось, что у одного ребенка мать сама была полной сиротой и оставила у мачехи своего ребенка. А в другом случае малыша оставили у снохи» [3] (руководитель общественной организации в Кыргызстане).

Эмоционально-психологические переживания родителей отражают депривацию [7]. В интервью трудовые мигранты показывали свои эмоции, связанные с переживаниями о разлуке с родственниками.

[Положительная реакция была и у моей жены, и детей. Они согласились на то, чтобы я ездил сюда работать] (муж., 45 лет).

[С трудностями не сталкивался, только дети на родине, жить вдали от них тяжело] (муж., 37 лет).

[Нет, трудностей особенных не возникает, ничего не забыто на родине, там и родственники, и дети. Поэтому каждый приезд – это радость и счастье] (жен., 49 лет).

[Каждый год тянет туда, хочется к теплу, где искупаться можно. Дети, конечно, ждут, тоскуют] (муж., 45 лет).

Свои отрицательные эмоции и переживания излагают в своих эссе дети трудовых мигрантов.

[Впервые я столкнулась с миграцией в нашей семье, когда мне было 14 лет, а моему брату 12. Отъезд отца на нас сильно повлиял. Будучи подростками, которые всю жизнь провели с обоими родителями рядом, нам было трудно адаптироваться к жизни, где отсутствует наш отец. Телефонные звонки и разговоры не могли компенсировать нехватку внимания со стороны папы, и я все больше замыкалась в себе. Несмотря на то, что наши финансовые трудности сократились, и мы могли позволить себе больше, чем могли раньше, трудностей в семье меньше не стало. Моя мама не могла справиться с домашними делами в одиночку и работать одновременно. Мы с братом всячески помогали, но этого было недостаточно. В доме не хватало мужской руки, и моему младшему брату пришлось рано повзрослеть. Он делал всю мужскую работу по дому. Мне тоже было непросто, когда у моей мамы начались проблемы со здоровьем, я остро ощутила, как нам сильно не хватало отца в нашей жизни] (Эссе № 3).

[У нас с сестрой нет воспоминаний, где мама читает нам сказки, мы сами читали свои сказки, которые нам покупали или где папа ходит с нами по паркам. То, что осталось в моей памяти, особенно ярко, это только единственная фотография моего детства, где мы с сестрой стоим с голубями в руках, а сзади нас родители] (Эссе № 8).

Трудовые мигранты в своих интервью отмечают бедность, которая послужила причиной проживания в разных регионах.

[Там нету работы, чтобы кормить маму, папу, детей. Мало платят. Поэтому сюда приехал. Друзья и родственники отнеслись нормально, нет жалоб. Они были рады тому, что я поехал в Россию] (муж., 37 лет).

Данная ситуация отражается в эссе детей мигрантов.

[Миграция оказала значительное влияние на жизнь моей семьи. Она помогла нам обеспечить себя и получить лучшее образование и работу. Однако она также привела к разрыву семейных связей и некоторым социальным и экономическим трудностям] (Эссе № 3).

[Сложности с работой и личные проблемы давались отцу нелегко, и та сумма, которую он нам отправлял, по моему мнению, не стоила тех переживаний и сложностей, через которые пришлось пройти моей семье] (Эссе № 3).

В исследовании, проведенном Л. Саралаевой в Кыргызстане, приводятся высказывания ребенка мигрантки на эту тему: «Несмотря на то, что в детском доме было тоскливо и тяжело, я не жалею, что попал в интернат. Думаю, если бы остался с мамой, то моя жизнь была тяжелее. Не хватало денег на еду и одежду» [3]; «Сначала мы жили дома с мамой, папы у нас не было. Мама не могла нас обеспечивать. Потом комиссия из мэрии приехала к нам домой, посмотрела, в каких условиях мы живем, и решили нас с сестрой отправить в интернат. Мне было 6 лет, а сестре 7. Мама уехала в Турцию. Обещала, как только заработает денег, вернется и постарается купить дом. С тех пор прошло 10 лет» [3].

Ситуацию негативно характеризуют эксперты: «И когда они возвращаются в страну с кучей долгов, без накоплений, то сталкиваются с другой, ещё более сложной проблемой: здесь, на родине, у них вырастают брошенные дети, у которых и со здоровьем, и с учебной проблемы» [3] (руководитель общественной организации в Кыргызстане).

Однако трудовые мигранты, судя по интервью, стараются использовать любую возможность, чтобы пообщаться с родственниками, в первую очередь с детьми. Они ощущают на себе депривированное родительство.

[Ну, жена, дети, родители, все там, я один просто здесь. Или они приезжают

ко мне или я езжу, вот так вот] (муж., 44 года).

[Да, конечно, я постоянно общаюсь с детьми, с внуками и вижу их и по Ватсапу, и по Вайберу, обязательно, конечно, созваниваемся. Меня интересует, как и что там в моей стране происходит, а как же, обязательно с детьми созваниваюсь, и они мне рассказывают] (жен., 54 года).

[Раз в год отпуск беру за свой счет. Работаю парикмахером. Коммерческая организация, свои правила, вот за свой счет брать. По детям-то скучаешь, по родине очень скучаешь тоже. Так и езжу] (муж., 45 года).

[Да, я уже 4 раза я возвращался там. Там, не знаю, я чувствую как обычно, когда возвращаюсь домой. Ну... где-то само много 3 месяца там остался, когда уже мез денег. Когда закончились деньги, я видел, трудно там, конечно, работать. Потому что у меня уже двое детей, прокормить надо, обеспечивать надо] (муж., 30 лет).

[Я туда просто приезжаю в гости, побуду там с родителями, с детьми и приезжаю обратно на заработки] (муж., 42 года).

В эссе дети мигрантов характеризуют редкие встречи с родителями по-своему.

[Мне было 4, когда мои родители уехали на заработки, как я помню, с тех пор прошло больше 10 лет. Пока я училась в начальной школе, раз в год родители прилетали в отпуск, примерно на месяц. Мы ездили на озеро Иссык-Куль на пару дней и в город Ош, также на пару дней. В эти короткие каникулы мне казалось, что мы – такая же обычная счастливая семья] (Эссе № 8).

Опрошенные трудовые мигранты в своих интервью выражают беспокойство о том, что их дети не получают соответствующего повседневного родительского воспитания.

[Сначала один приехал, потом с женой сюда вернулся. Она тоже здесь полгода работает, потом обратно на родину

уезжает, потому что там трое детей, их воспитывать надо] (муж., 48 лет).

[Да, периодически возвращаюсь из-за того, что детей надо воспитывать и с документами определенные моменты есть] (муж., 37 лет).

В своих эссе дети мигрантов также высказываются о проявлениях социального сиротства и депривированного родительства.

[В детстве, на одном из школьных собраний, моя одноклассница спросила, есть ли у меня папа? Потому что он никогда не был на родительских собраниях моей школы. Не знаю, может, я сама начала сомневаться, есть ли у меня отец, а может, мне просто было обидно, я не знаю] (Эссе № 8).

Депривированное родительство объясняется экономической необходимостью в обеспечении жизни детей. Трудовые мигранты ощущают свою ответственность как перед собственными сыновьями и дочерьми, так и перед своими пожилыми родителями.

[Зарабатываю деньги, трачу на себя, стараюсь мало тратить, я-то одна, что там мне надо-то. Но в основном все деньги отсылаю детям, для них работаю] (жен., 54 года).

[Но преимущества в том, что они приезжают, работают, деньги есть у них, им хорошо здесь, потому что работают, получают деньги. И отправляют содержать родителей, своих детей] (муж., 42 года).

Информанты, у которых были взяты интервью, отмечают наличие у себя двойной гражданской идентичности (со странами исхода и приема), но рассматривают собственную семью как ключевую причину для возвращения на родину.

[Я воспринимаю себя как гражданина двух стран, потому что здесь я зарабатываю, а там у меня семья, дети] (муж., 37 лет).

[Не знаю... Если тут будет тяжело зарабатывать, да, потому что там у меня

семья, дети... А так. Тут да, тут комфортно. Все нормально] (муж., 27 лет).

Многие трудовые мигранты стремятся к тому, чтобы перевезти своих детей в страну миграции. И это им со временем удается.

[Возможно, в перспективе я бы хотела перевести сюда детей, потому что в России больше возможностей в принципе, и тогда стала бы гражданкой России] (жен., 49 лет).

[Не хватало денег, у нас дом, мы не можем никак его построить. Семья большая. Сестра моя больная тоже и брат больной, и двое детей, и зятья, денег не хватает, пятеро внуков. Я решила так сама. Ну не совсем они, конечно, соглашались, потому что я там основная, я им всем помогаю. Ну, я так решила – они меня поддержали. Младшая дочь сказала, вот придет и будет здесь со мной] (жен., 54 года).

[Сначала на два года я один приехал. Потом жена в 2013 году приехала. Потом ещё через два года дети приехали здесь учиться. Сейчас они уже окончили школу. С женой и с детьми живём здесь, работаем. Члены семьи нормально восприняли. В Россию недалеко] (муж., 40 лет).

[Пока что нет. В ближайшее время нет. Вот уже 4–5 лет мы здесь и пока не хотим. Вот сейчас дети приехали, с детьми 4–5 лет мы никуда не ездим] (жен., 35 лет).

Однако не всегда получается воссоединить семью, и тогда ситуация превращается в перманентно текущую, что отражается в эссе детей мигрантов.

[Если в детстве тебе просто больно, с годами ты привыкаешь и начинаешь контролировать это, то на третьем этапе ты уже становишься более-менее бесчувственным именно к тем, кто, казалось-бы, должен быть ближе всего, именно родные, близкие, папа, мама] (Эссе № 8).

Дети оказываются в институциональной системе социальной защиты. [6]. Эк-

сперты отмечают, что ключевой социальный негатив и угроза демографической безопасности состоит в воспроизводстве социального сиротства и депривированного родительства: «Часто дети трудовых мигрантов повторяют судьбы своих родителей. И уезжают в трудовую миграцию, оставив своих малолетних детей родственникам или в тех же детских домах, в которых выросли сами» [3] (руководитель общественной организации в Кыргызстане).

Но сами дети мигрантов не хотели бы подобной детской доли для собственных сыновей и дочерей. Они пытаются с позитивом смотреть в будущее. Так, в исследовании, осуществленном Л. Саралаевой в Кыргызстане, приводится мнение сына мигрантки на эту тему: «Я прошел через все это и не хочу, чтобы мои дети через это проходили. Я постараюсь заработать деньги на жизнь, а потом только заводить семью и детей» [3]. Подобная позиция может привести к родительству, отложенному во времени, а вследствие этого к уменьшению вероятности сохранения репродуктивного здоровья.

Так, усиливающаяся трудовая миграция способствует воспроизводству социального сиротства и депривированного родительства, а сами мигранты, их дети и эксперты рассматривают данные явления как угрозу демографической безопасности.

Заключение. Так, социальное сиротство и депривированное родительство в

семьях мигрантов вследствие больших масштабов, в которых осуществляются данные явления, рассматриваются в качестве угрозы демографической безопасности на нескольких уровнях: родителя или ребенка, семьи в целом, а также стран исхода и приема.

Когда дети мигрантов остаются с пожилыми прародителями, то может возникнуть сложная ситуация, так как дедушки и бабушки иногда испытывают сложности с самообслуживанием, а с внуками им справляться вдвое сложнее. У детей начинаются пропуски занятий в школе, снижается учебная успеваемость, не формируется культура общения, появляются проблемы с законопослушностью.

В случаях, когда дети мигрантов остаются жить с людьми, которые не являются для них родственниками, уровень безопасности несовершеннолетних значительно снижается.

Социальное сиротство взаимосвязано с депривированным родительством, так как трудовые мигранты ощущают свою ответственность как перед собственными сыновьями и дочерьми, так и перед своими пожилыми родителями.

Ключевой социальный негатив состоит в воспроизводстве социального сиротства и депривированного родительства, тем более что сами мигранты, их дети и эксперты рассматривают данные явления как угрозу демографической безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов С.Н., Волкова О.А., Бессчетнова О.В., Доля Р.Ю. Домашнее насилие как фактор нарушения социального и психического здоровья // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28, № 1. С. 68-73. DOI 10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73.
2. Минтруда и соцобеспечения выявило 5,4 тыс детей мигрантов, проживающих без опеки не у родственников [Электронный ресурс]. URL: <https://mlsp.gov.kg>.
3. Саралаева Л. Дети трудовых мигрантов – социальные сироты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nlkg.kg/ru/projects/sociologiya/deti-trudovykh-migrantov--socialnye-sirotы>.
4. Сиюхова А.М., Овсянникова Т.А. Массовая депривация свободы в условиях новых глобальных кризисов санитарно-эпидемиологического характера и социокультурные факторы эффективного противодействия ей // Национальная безопасность / Nota Bene. 2020. № 4. С. 43-55. DOI 10.7256/2454-0668.2020.4.33548.

5. Хабиева З.Д. Социальная сирота: сущность понятия, причины возникновения // Colloquium-Journal. 2019. № 24-9(48). С. 64-65.
6. Amuedo-Dorantes C., Arenas-Arroyo E. Immigration enforcement and Children's living arrangements // Journal of Policy Analysis and Management. 2019. Vol. 38(1). P. 11-40. DOI: 10.1002/pam.22106.
7. Brabeck K.M., Sibley E. Immigrant parent legal status, parent-child relationships, and child social emotional wellbeing: A middle childhood perspective // Journal of Child and Family Studies. 2016. Vol. 25(4). P. 1155-1167. DOI: 10.1007/s10826-015-0314-4.
8. Enrico I., Ciacci A. Social Deprivation. In book: Wiley Stats Ref: Statistics Reference Online, 2021. P. 45-69. DOI: 10.1002/9781118445112.stat08105.
9. Foner N., Dreby J. Relations between the generations in immigrant families // Annual Review of Sociology. 2011. Vol. 37. P. 545-564. 10.1146/annurev-soc-081309-150030.
10. Orphans. UNICEF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unicef.org/media/orphans>.
11. Van Hook J., Glick J.E. Spanning borders, cultures, and generations: a decade of research on immigrant families // J Marriage Fam. 2020. Vol. 82 (1). P. 224-243. DOI: 10.1111/jomf.12621.

REFERENCES

1. Borisov S. N., Volkova O. A., Besschetnova O. V., Dolya R. Yu. The domestic violence as factor of disorder of social and mental health. Problemi socialnoi gigieni, zdravookhraneniya i istorii meditsini. 2020. Vol. 28, Issue 1. P. 68-73 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-1-68-73>
2. The Ministry of Labor and Social Security identified 5.4 thousand migrant children living without guardianship with relatives [Electronic resource] // Ministry of Labor, Social Security and Migration of the Kyrgyz Republic. URL: <https://mlsp.gov.kg>.
3. Saralaeva L. Children of labor migrants – social orphans [Electronic resource]. URL: <https://www.nlkg.kg/ru/projects/sociologiya/deti-trudovyx-migrantov--socialnye-siroty>.
4. Siyukhova A.M., Ovsyannikova T.A. Mass deprivation of freedom in the context of new crises of a sanitary-epidemiological nature and socio-cultural factors provide effective counteraction to it // National Security / Nota Bene. 2020. Issue 4. P. 43-55. DOI 10.7256/2454-0668.2020.4.33548.
5. Khabieva Z.D. Social orphan: the essence of the concept, reasons for its occurrence // Colloquium-Journal. 2019. Issue 24-9(48). P. 64-65.
6. Amuedo-Dorantes C., Arenas-Arroyo E. Immigration enforcement and Children's living arrangements // Journal of Policy Analysis and Management. 2019. Vol. 38 (1). P. 11-40. DOI: 10.1002/pam.22106.
7. Brabeck K.M., Sibley E. Immigrant parent legal status, parent-child relationships, and child social emotional wellbeing: A middle childhood perspective // Journal of Child and Family Studies. 2016. Vol. 25 (4). P. 1155-1167. DOI: 10.1007/s10826-015-0314-4.
8. Enrico I., Ciacci A. Social Deprivation. In book: Wiley Stats Ref: Statistics Reference Online. 2021. P. 45-69. DOI: 10.1002/9781118445112.stat08105.
9. Foner N., Dreby J. Relations between the generations in immigrant families // Annual Review of Sociology. 2011. Vol. 37. P. 545-564. 10.1146/annurev-soc-081309-150030.
10. Orphans. UNICEF [Electronic resource]. URL: <https://www.unicef.org/media/orphans>.
11. Van Hook J., Glick J.E. Spanning borders, cultures, and generations: a decade of research on immigrant families // J Marriage Fam. 2020. Vol. 82(1). P. 224-243. DOI: 10.1111/jomf.12621.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declares no conflict of interests

Информация об авторах

Осадчая Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: osadchaya111@gmail.com

Волкова Ольга Александровна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Юдина Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: ioudinatn@mail.ru

Information about the authors

Galina I. Osadchaya Dr Sci. (Sociology), Professor, Senior Researcher, the Institute for Demographic Research, FSRSC RAS, Moscow, the Russian Federation,
e-mail: osadchaya111@gmail.com

Olga A. Volkova, Dr Sci. (Sociology), Professor, Senior Researcher, the Institute for Demographic Research, FSRSC RAS, Moscow, the Russian Federation,
e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Tatyana N. Yudina, Dr Sci. (Sociology), Professor, Senior Researcher, the Institute for Demographic Research, FSRSC RAS, Moscow, the Russian Federation,
e-mail: ioudinatn@mail.ru

**Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.**

Поступила в редакцию 01.06.2024
Поступила после рецензирования 12.07.2024
Принята к публикации 19.07.2024
Received 01.06.2024
Revised 12.07.2024
Accepted 19.07.2024